

Уолден Белло

ВСЕ РУШИТСЯ: АЗИАТСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС, НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЧУДЕСА¹

Десять лет спустя после азиатского финансового катаклизма 1997 года экономики западной части Тихоокеанского региона продолжают расти, хотя уже не теми темпами, что до кризиса. Кризис оставил свой неизгладимый след в регионе. В сравнении с докризисным периодом в нем выросли бедность, неравенство и социальная нестабильность. К примеру, болезненные реформы рынка труда в Южной Корее вызвали тихое отчаяние, отражением которого стали показатели самоубийств, одни из самых высоких в развитых странах.

Между тем, несмотря на все разговоры о «новой глобальной финансовой архитектуре», на деле мало что сделано для регулирования огромных объемов капитала, перетекающих через глобальные финансовые сети с головокружительной скоростью, — одна из главных причин кризиса 1997 года. Сторонники свободного рынка призывают нас не волноваться и самонадеянно отмечают, что после банкротства Аргентины в 2002 году никаких серьезных кризисов не было.

Но более осведомленные люди, вроде своего человека на Уолл-стрит и бывшего министра финансов Роберта Рубина, несмотря на свое неприятие регулирования, все же выказывают заметное беспокойство. «Будущие финансовые кризисы почти неизбежны и могут быть еще более серьезными. Рынки постоянно растут, информация перемещается все быстрее, потоки становятся крупнее, а торговля и рынки капитала продолжают интегрироваться», — пишет Рубин в своей книге «Неустойчивый мир». «И невозможно предсказать, в какой области — в недвижимости, на новых рынках или где-то еще — произойдут следующие кризисы». Недавнее исследование, проведенное Институтом Брукингса, подтверждает опасения Рубина — за последние 30 лет произошло более 100 финансовых кризисов.

¹ Walden Bello, «All Fall Down: The Asian Financial Crisis, Neoliberalism and Economic Miracles», *Foreign Policy In Focus*, <http://www.fpiif.org/fpiftxt/4429>.

ГОСПОДСТВО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Объем спекулятивного капитала, обращающегося на глобальном финансовом рынке, поистине поражает. По данным Глобального института Маккинси, приводимым колумнистом из *Financial Times* Мартином Вульфом, «основные финансовые активы» на глобальном рынке в 2005 году составили 140 триллионов долларов. Значительную часть глобальных финансовых активов держали традиционные коммерческие банки. Но на небанковских финансовых операторов, ставших важными посредниками между вкладчиками банков и инвесторами, в 2005 году приходилось 46 триллионов долларов, на хеджевые фонды — 1,6 триллиона, а на инвесторов в частные акции — около 600 миллиардов долларов. Эти цифры и другие данные относительно ошеломительного роста и масштабов глобального финансового капитала были озвучены экономистом К. П. Чандрасекхаром на конференции «Десять лет спустя: восстановление и корректировка после восточноазиатского кризиса», прошедшей в Бангкоке, эпицентре финансового землетрясения 1997 года, в середине июля 2007 года.

Лавинообразный рост финансового капитала вызван избытком производственных мощностей, от которого страдает мировая экономика. Это привело к заметному замедлению инвестиций в основных частях глобальной экономики, за примечательным исключением Китая и Соединенных Штатов. Когда глобальная экономика переживает застой, у капиталистов нет стимулов для того, чтобы вкладывать капитал в новые производительные мощности, и они стремятся перевести свои деньги в спекулятивную деятельность и выжать дополнительную прибыль из уже созданной стоимости.

Спекулятивная деятельность как форма извлечения прибыли даже определила торговлю: ежедневный объем валютных сделок составляет 1,9 триллионов долларов, по сравнению с ежегодной стоимостью торговли товаров и услуг в 9,1 триллиона долларов. Иными словами, спекулятивная деятельность всего за один день составляла 20% ежегодной стоимости глобальной торговли! Мартин Вульф, один из наиболее известных сторонников глобализации, прекрасно выражает суть сегодняшних властных отношений между фракциями глобального капитала, замечая, что «новый финансовый капитализм отражает триумф трейдера, управляющего финансовыми активами, над долгосрочным производителем».

Десять лет спустя после того, как МВФ и Соединенные Штаты свалили вину за кризис на мнимую непрозрачность финансовых сделок в азиатских странах, эта самая непрозрачность стала главным пунктом в повестке дня, когда речь идет о глобальных финансах. Перемещение и мутации спекулятивного капитала превосходили возможности национальных и многосторонних регулирующих органов. В дополнение к традиционному кредиту, акциям и облигациям, на финансовой сцене появились новые эзотерические финансовые инструменты, вроде деривативов. Деривативы служат отражением финансовой специализации — покупки или продажи рисков — основных активов без продажи самих этих активов. Сегодня можно финансовализировать любые риски

и торговать ими — от торговли квотами на выброс углекислого газа до скорости широкополосного доступа в Интернет и прогнозов погоды.

Параллельно с появлением более сложных инструментов возникли хеджевые фонды и фонды частных акций, ставшие наиболее динамичными игроками в глобальном казино. Хеджевые фонды, признаваемые главными виновниками азиатского финансового кризиса, пользуются сегодня еще большей свободой действий. Хеджевые фонды, количество которых сегодня превышает 9500, открывают короткие и длинные позиции с самыми разными инвестиционными целями, чтобы минимизировать риски и максимизировать прибыль. Фонды частных акций занимаются приобретением, реструктуризацией и последующей прибыльной продажей различных фирм.

СТРАТЕГИЯ РЕЗЕРВНОГО НАКОПЛЕНИЯ

В отсутствие глобального финансового регулирования для укрощения вихря глобальных финансов, азиатские страны приняли меры для защиты от переменчивых глобальных спекулянтов, которые обрушили их экономики, в панике выведя 100 миллиардов долларов из региона. Чтобы защитить свои экономики, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) объединилась с Китаем, Южной Кореей и Японией, чтобы образовать финансовую группу «АСЕАН плюс три». Этот механизм позволяет странам-членам обмениваться резервами, если спекулянты вновь нацелятся на их валюты.

И, что еще более важно, эти страны создали финансовые резервы, опираясь на значительное активное сальдо торгового баланса, цель, которой они достигли, снизив стоимость своих валют. В период с 2001 по 2005 год, согласно нобелевскому лауреату Джозефу Стиглицу, восемь восточноазиатских стран — Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия и Филиппины — более чем вдвое увеличили свои совокупные резервы примерно с 1 триллиона долларов до 2,3 триллионов. Китай, лидер среди этих стран, по оценкам, имеет сегодня резервов более чем на 900 миллиардов долларов; второе место занимает Япония.

Это привело к парадоксальной ситуации. В глобальной экономике, отмеченной сильными тенденциями к застою, Китай как производитель и Соединенные Штаты как потребитель образуют взаимодополняющую пару, которая поддерживает мировую экономику на плаву. Чтобы поддерживать работу своей экономики, Соединенные Штаты нуждаются в постоянном притоке кредита из Китая и других стран Восточной Азии, финансирующего потребление средним классом товаров, произведенных... в Китае и Азии! Между тем страны, скажем, Африки, которые действительно нуждаются в капитале из Восточной Азии, получают из этих резервов очень мало, так как не считаются кредитоспособными.

КРАХ МВФ

Азиатские страны создали огромные резервы в результате своего неприятного опыта взаимодействия с МВФ. Правительства помнят, что кризис

был вызван тремя последовательными ударами со стороны МВФ. Сначала Фонд вместе с американским министерством финансов побудил их провести либерализацию движения капитала, которая привела к легкому уходу иностранного капитала, обрушившему их валюты. Затем МВФ предоставил им многомиллиардные ссуды, но не для спасения их экономик, а для спасения иностранных кредиторов. Потом для достижения стабильности Фонд посоветовал им принять проциклическую политику сокращения расходов, которая ускорила их погружение в глубокую рецессию.

«Никогда больше» стало лозунгом многих пострадавших правительств. Правительство Таксина в Таиланде заявило о своей «финансовой независимости» от МВФ после выплаты своих долгов в 2003 году, пообещав никогда больше не обращаться к Фонду. Индонезия сказала, что она выплатит все свои долги перед МВФ к 2008 году. Филиппины отказались брать новые займы у МВФ, а Малайзии удалось избежать такой участи благодаря введению контроля над капиталом в самый разгар кризиса.

По иронии судьбы, МВФ стал одной из главных жертв краха 1997 года. Этот заносчивый институт, в котором работали около тысячи высококлассных экономистов, так и не оправился от серьезного кризиса легитимности и доверия, поразившего его, — кризис, усугубившийся банкротством его главного ученика, Аргентины, в 2002 году. В 2006 году Бразилия и Аргентина, следуя примеру Таиланда, выплатили все свои долги перед МВФ, чтобы достичь финансовой независимости. Затем Уго Чавес подлил масла в огонь, заявив о выходе Венесуэлы из МВФ и Всемирного банка. Этот бойкот со стороны крупнейших заемщиков привел к бюджетному кризису МВФ.

В результате этой череды событий МВФ почти полностью утратил свое влияние на ведущие развивающиеся страны. Но ослабление влияния и авторитета МВФ произошло не только из-за сопротивления развивающихся стран вмешательству фонда. Администрация Буша сама немало поспособствовала ослаблению роли Фонда в глобальных финансах, наложив вето на предложение консервативного американского заместителя директора Фонда Энн Крюгер о введении подконтрольного МВФ «механизма реструктуризации суверенного долга», позволяющего развивающимся странам откладывать выплаты по долгу при помощи договоренностей с кредиторами о новых сроках. Хотя многие развивающиеся страны считали предложенный механизм реструктуризации слабой мерой, вето Вашингтона показало, что люди Буша не были готовы смириться даже с малейшим контролем над международными операциями американских финансовых институтов.

ОТВЕРГНУТЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: ТАИЛАНД

После азиатского финансового кризиса крах потерпел не только МВФ, но и неолиберализм, господствующая идеология 1990-х. Малайзия ввела контроль над движением капитала и стабилизировала экономику, что позволило ей лучше перенести спад 1998–2000 годов, чем другим странам.

Но наиболее ярко разорвал с неолиберализмом именно Таиланд. После трех лет стагнации при правительствах, тщательно исполнявших неолиберальные предписания МВФ, вновь избранное правительство Таксина Чинавата начало проводить противочиклическую неокейнсианскую политику, направленную на стимулирование спроса, чтобы заставить экономику работать. Таиландское правительство заморозило выплаты по сельскохозяйственным долгам, ввело финансируемое государством всеобщее здравоохранение и предоставило каждой деревне по миллиону батов на выполнение специальных проектов. Несмотря на мрачные предсказания неолиберальных экономистов, эти меры способствовали умеренному росту экономики, который поддерживался спросом стремительно развивающейся экономики Китая.

Финансовый кризис 1997 года, который всего за несколько недель отбросил миллион тайцев за черту бедности, настроил широкие слои населения против неолиберальной глобализации. И даже когда правительство сосредоточилось на стимулировании внутреннего спроса с помощью пособий для малоимущих в деревне и городе, настрой против свободной торговли сохранился. 8 января 2006 несколько тысяч тайцев попытались взять штурмом здание в Чиангмае, Таиланд, где между Соединенными Штатами и Таиландом проводились переговоры относительно соглашения о свободной торговле. Переговоры были заморожены; а защита премьер-министром Таксином этого соглашения стала одним из факторов, которые способствовали его делегитимации и, в конечном итоге, свержению в сентябре 2006 года.

Это скисание глобализации сопровождалось ростом популярности экономической программы популярного в стране монарха, короля Бхумиболы. Под лозунгом «самодостаточной экономики» проводилась автаркическая стратегия, подчеркивающая важность опоры на собственные силы и создания более сильных связей во внутренних экономических сетях. Пользуясь популярностью короля, как говорят критики, правительство, которое при поддержке военных свергло Таксина, разумно использует «самодостаточную экономику» для легитимации своего правления. Во всяком случае, слово «глобализация» сегодня в Таиланде непопулярно.

НАВЯЗАННЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: КОРЕЯ

В отличие от Таиланда, разорвавшего с неолиберализмом и МВФ, Южная Корея в точности следовала курсу неолиберальных реформ, навязанных правительству Фондом. Она предприняла радикальную реструктуризацию рынка труда, либерализацию торговли и инвестиционную либерализацию. Согласно социологу Чан Кюн Супу, «сбрасывание рабочей силы было наиболее важной мерой для спасения южнокорейских фирм. Даже после того, как наиболее впечатляющие события уже произошли, многие крупные фирмы продолжали проводить организационную и технологическую реструкту-

ризацию занятости, позволявшую им вновь стать конкурентоспособными на мировом рынке экспортерами».

Будучи некогда классическим развивающимся государством, в котором, по словам торгового представителя Соединенных Штатов, американским компаниям было «труднее всего в мире» заниматься бизнесом, Корея под руководством МВФ стала намного более либеральной экономикой, чем Япония.

Денационализация финансовых и промышленных фирм в Корее, по словам Чана, происходила с «ужасающей скоростью», причем иностранцы владели теперь более 40 % акций крупных корейских финансово-промышленных конгломератов или чеболей. Доля иностранцев в *Samsung* составляет теперь 47 %, в сталелитейной компании *Posco* — свыше 50 %, в *Hyundai Motors* — 42 %, а в *LG Electronics* — 35 %.

МВФ называл Корею «историей успеха». Но корейцы ненавидят Фонд и указывают на высокие социальные издержки так называемого «успеха». По официальным южнокорейским данным, доля населения, живущего ниже «минимального уровня дохода» — уровня бедности, — выросла с 3,1 % в 1996 году до 8,2 % в 2000 году и 11,6 % в начале 2006 года. Коэффициент Джини, используемый для оценки неравенства, подскочил с 0,27 до 0,34. Социальная солидарность ослабла, а эмиграция, уходы из семьи и разводы угрожающе выросли вместе со скачком уровня самоубийств. «Мы живем в большом несчастном обществе, которое считает докризисный период „золотым веком“, — говорит Чан.

ВСЕ РУШИТСЯ

Хотя азиатский финансовый кризис 1997 года, возможно, вызвал крах МВФ, экономист Джаяти Гхош отмечает, что он привел к краху восточноазиатского развивающегося государства. Это развивающееся государство решительно занималось интеграцией национальной экономики в мировую, чтобы стать сильнее и не позволить глобальным экономическим силам отодвинуть его на второй план.

Несмотря на свои различные пути выхода из кризиса, экономические системы Восточной Азии понесли необратимые потери и заметно ослабли. Кризис обозначил пределы возможностей развития и подражания этой модели. XXI век, который должен был стать их веком, ускользнул от них. Катаклизм ознаменовал собой передачу эстафеты Китаю. Принимая во внимание их нынешнее ослабленное состояние, развитие менее крупных экономик Восточной и Юго-Восточной Азии стало все больше зависеть от действий их гигантского соседа.

Перевод с английского Артема Смирнова